

Этнографические пласты в творчестве Любена Каравелова московских лет

Среди множества болгар, по различным причинам оказавшихся в 50–70-е годы XIX в. России (получение образования, вынужденная эмиграция, или и то, и другое одновременно), важнейшей фигурой являлся Любен Каравелов (1834–1879)¹. За сравнительно короткое время он вырос в одного из крупнейших деятелей болгарского национального Возрождения — творцов и борцов за освобождение родной земли от османских поработителей. Его литературная и политическая деятельность была исключительно многогранной: он автор художественных произведений, драматург и критик, он стал также одним из основоположников жанра повести в болгарской литературе, занимался стихотворчеством, выпускал революционные газеты, писал пламенные публицистические статьи и т.д.². Многие из видов этой деятельности реализовывались не на русской земле, а в других странах — в Сербии и Румынии. Там Каравелов также находился в качестве эмигранта, потому что, возвратись он в Болгарию, здесь его ждали бы тюрьма, суд и повешение, как другого болгарского национального борца против турецкого ига — Васила Левского. Мы не будем касаться румынского и сербского периодов жизни Л. Каравелова — нас интересует, в первую очередь, то, что он создавал в России.

Л. Каравелов отправился в Россию в 1857 г. с намерением поступить в кадетский корпус и получить военное образование, чтобы бороться с оружием в руках против ненавистных турок. Но его надежды не сбылись: в кадеты принимали до 15 лет, а Любену тогда уже исполнилось 23. Не сдал Каравелов и вступительные экзамены в Московский университет, однако в 1859 г. он всё же сделался вольнослушателем его историко-филологи-

ческого факультета — благодаря стипендии своего покровителя, русского купца В.А. Кокорева.

В университетские годы Л. Каравелов увлекся идеями русских революционных демократов, зачитывался литературно-критическими статьями В.Г. Белинского, А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского. В Москве он познакомился с такими видными русскими учеными и общественными деятелями, как М.П. Погодин, О.М. Бодянский, В.И. Ламанский, И.С. Аксаков и др. Любен не явился ни на один университетский экзамен, но был очень начитанным и образованным человеком. Он прочел огромное количество книг по литературе, философии, истории и этнографии.

В Москве Каравелов печатает свои первые стихотворные опыты в журнале «Братский труд» (1860), который издавала Московская дружина болгарских студентов. Это были его стихотворения «Желание», «Загорец» и «Пастырь». В целом московский период его творческой жизни был весьма плодотворным: помимо стихотворений, он публиковал в журналах и газетах рассказы и повести, литературно-критические статьи и рецензии. Чаще всего они появлялись в таких изданиях, как «Наше время», «Московские ведомости» и «Родная речь». В Москве Л. Каравелов решил подготовить многотомное издание памятников болгарского фольклора и быта³, снабдив его научным исследованием, и составить общеславянский словарь. Остановимся вкратце на первой из этой серии книге, вышедшей в Москве в 1861 г. под названием «Памятники народного быта болгар». Для начала Каравелов намеревался издать три тома «Памятников», но второй и третий по разным причинам при его жизни не увидели свет и остались в рукописном виде. В Москву он приехал с уже собранными в Болгарии фольклорными материалами, а часть их ему передали болгарские эмигранты в России. Эта практика продолжалась и в дальнейшем, о чем свидетельствует предуведомление к I тому, в котором Л. Каравелов призывает своих соплеменников, знающих народные басни, сказки и легенды, присылать их ему для публикации в последующих томах. Причем, за присланные материалы автор обещал отправителям денежное вознаграждение («за които, ние щемъ заплатимъ»).

В I томе Каравелов опубликовал 3000 поговорок, дневник народных поверий и легенды. В дальнейшем он, по его словам, собирался издать песни, басни и сказки. Интерес к фольклору у Каравелова не был случайным. Он начал интересоваться устным народным творчеством и этнографией родного народа еще до приезда в Москву. В период своего недолгого пребывания в Константинополе (с лета 1856 г. по лето 1858 г.), куда отец отправил его учиться торговому делу, он предпринял поездку в Бургас, Шипку и Габрово, во время которой записывал болгарские песни и поговорки, встречался с известными народными певцами и собирал материалы для своих будущих этнографических исследований. Любовь к фольклору Л. Каравелову, видимо, привил известный болгарский ученый и просветитель Н. Геров (1823–1900), составитель знаменитого «Словаря болгарского языка»⁵. В течение нескольких лет он был учителем Любена в Пловдиве, куда тот приехал для продолжения образования из родного города Копривштицы.

Подготовка памятников родного фольклора к изданию болгаринном в России была делом чрезвычайно сложным. Возможно, Л. Каравелов не смог бы издать и I том, если бы рядом с ним не оказался опытный помощник и единомышленник. Им явился русский ученый И.Г. Прыжов (1827–1885), с которым Каравелов, скорее всего, познакомился на лекциях в Московском университете в конце 1850-х годов. Прыжов был старше его и гораздо более подготовлен в деле собирания и издания памятников фольклора. Он был учеником известного профессора О.М. Бодянского и другом украинского фольклориста А.А. Котляревского, подготовил ряд основательных научных трудов по этнографии и фольклору, которые остались в рукописи. Среди них были такие работы, как «Быт Малороссии по памятникам ее литературы с XI по XVIII век», «Ведьма», «Записки по истории русского народа» и др.⁶. Сближала Каравелова и Прыжова и обоюдная убежденность в необходимости революционного преобразования общества. За участие в нелегальной организации «Народная расправа» Прыжов в 1869 г. был арестован, заключен в Петропавловскую крепость, предан суду и приговорен к 12-летней каторге с отбыванием срока в Сибири⁷.

После своего освобождения он остался на сибирской земле, где и умер. А Каравелов за свои революционные взгляды был взят под негласный надзор русской полиции и находился под ним несколько лет⁸.

Пословицы и поговорки приводились в I томе «Памятников» на болгарском языке без перевода на русский. Возможно, Каравелов был отчасти этому и рад, поскольку благодаря данному обстоятельству русский читатель мог приобрести хотя бы некоторое представление о том, что болгарский язык действительно является родственным русскому, и при известном усилии отдельные места болгарского текста становятся доступными для понимания. В целом язык для Каравелова стоял на первом месте по важности при определении принадлежности людей к тому или иному народу, ибо в этом плане он является наиболее стойким элементом. «Несмотря ни на какие политические и религиозные перемены, — писал он, — язык народа остается верным самому себе до тех пор, пока не исчезнет сам народ путем или постепенного вымирания, или полного поглощения *другой* народностью. Скорее поменяются анатомический тип, народный характер, привычки и обычаи, народ может, так сказать, совершенно переродиться, но язык его непременно сохранит национальные черты»⁹.

Оставляя болгарские пословицы и поговорки без перевода, Каравелов давал русскому читателю понять, что его народ является славянским и говорит на языке, который имеет много схожих черт с русским. Вместе с тем отсутствие русского перевода болгарских пословиц, несомненно, объясняется и иными причинами. Дело в том, что язык этих фольклорных единиц был довольно сложным из-за обилия болгарских диалектизмов и турцизмов. И вообще переводить пословицы и поговорки на иностранный язык всегда очень трудно: буквальный перевод лишает их «соли», а имеющиеся для части из них русские соотвественства чаще всего, даже передавая суть переводимого, не в состоянии отразить его тонкие смысловые нюансы. Работавший вместе с Каравеловым И.Г. Прыжов не мог выступать в роли переводчика болгарских пословиц и поговорок: для этого ему нужно было одинаково хорошо знать русский и болгарский

языки. А проживший к тому времени несколько лет в России Каравелов ещё не успел овладеть русским языком в такой мере, чтобы справиться с задачей перевода подобного материала. На помощь читателю при соприкосновении с болгарскими пословицами и поговорками должен был прийти помещенный в конце книги небольшой словарь встречающихся в них турецких и греческих слов. Однако существенно исправить положение он, конечно, не мог.

Несомненно, такие примеры слов и словосочетаний, как «*гемия*» — корабль, «*инат*» — упрямство, «*алыш-вериш*» — покупка-продажа, «*касмет*» — удача или рок, «*менджа*» — пища, «*параклес*» — панихида, «*протогер*» — старшина, «*табак*» — кожевник, «*пирон*» — гвоздь, «*терзия*» — портной, «*тенджеря*» — кастрюля, «*хабер*» — новость, «*хесан*» — счет, представляли ценность для развития славянской лексикографии и составления будущего словаря иностранных слов. Но в данном разделе были допущены и существенные просчеты. Во-первых, над болгарскими словами в словарики не были проставлены ударения (отсутствовали они и в пословицах и поговорках и над словами болгарскими). А во-вторых, даже в пояснениях Каравелов использовал диалектную огласовку слов, поскольку болгарский литературный язык к тому времени еще не сформировался¹⁰. Не скрывал автор и того, что часть материалов для книги он позаимствовал из изданий Императорской Академии наук, вышедших в Санкт-Петербурге около 10 лет назад. Но последнее обстоятельство Каравелова абсолютно не смущало. Он осознавал, что объединение этих материалов, его собственных и заимствованных, еще больше увеличивает их значимость, и был твердо убежден в важности изучения фольклора для осмысления национальной истории. Так, в одной из своих статей Каравелов задавался вопросом, почему внимание ученых обращено на библиотеки и рукописи, т.е. на слово письменное, а вторая «половина народной души», т.е. слово устное, совсем не учитывается, хотя живой его носитель, народ, находится перед глазами ученых ежедневно.

Важность изучения родного фольклора для национального самопознания звучит и в рецензии Л. Каравелова на статью

И.П. Липранди «Восточный вопрос и Болгария»¹¹. В ней он писал, что только изучив народ, описав его нравы и обычаи, его статистику и положение, собрав народные песни, пословицы и поговорки, можно принести ему добро, едва ли не большее, чем историки. Каравелов считал, что перед его современниками находятся «живой материал, живые источники, живые хронографы, и они и есть сам народ»¹². Принципиально важным для Каравелова было и место издания собранных им памятников фольклора Болгарии. В предисловии ко II тому его «Памятников народного быта болгар», опубликованному, к сожалению, только в начале XX в.¹³, он писал, что издание болгарских песен происходит не только из-за ряда социальных причин¹⁴ и личности самого собирателя, но и благодаря существованию «внутренних оснований». Ими, по мысли Каравелова, являлись близость России и русского народа к Болгарии и болгарам. По этому поводу он писал следующее: «...ни один из славянских народов в последнее время не стоял в таких близких отношениях к болгарам, как русский, ни одно славянское племя так глубоко и, прибавим, — искренно не интересуется болгарам, как русские... Вот почему памятникам народного творчества болгар прилично явиться в России, они встретят здесь приём, как если бы они были изданы на родине»¹⁵.

На первый взгляд, I том «Памятников» предназначался для ученых узкой специализации. Но это не совсем так. В нем имелись и такие разделы, чтение которых могло доставить удовольствие и более широкому кругу читателей. К ним, в частности, относятся примечания к поговоркам и пословицам, помещенные на с. 158—172. В отличие от предыдущих материалов, пояснения Л. Каравелова, составленные явно при помощи И.Г. Прыжова, приводились на русском языке, и они вызывают интерес и в наше время. Содержание этих примечаний было непосредственно связано с бытом болгар XIX века, а сами они служили приметам тогдашней болгарской жизни. Так, в примечании № 4 Каравелов писал, что в Болгарии по селам ходили тогда знахари и травники и зазывно выкрикивали: «Билки! Билки! Билки!», т.е. «Травы! Травы! Травы!» По его свидетельству, целители предлагали селянам избавление

от глаза, колдовства, запоя и других народных недугов. Или, например, примечание о сущности эха в народном представлении. По словам Каравелова, раздающееся на крик человека эхо в народе считалось ответом чёрта. Единственным способом избавиться от наваждения можно было крикнув сначала в снятую с головы шапку и тем самым изгнать из нее притаившегося там чёрта. В этом случае на крик человека отзовется именно тот, кого криком позвали.

Привлекает читателя и описанный Л. Каравеловым народный обычай потягивания мальчиков за различные части тела: при рождении, по большим праздникам, в день рождения, при надевании в первый раз новой одежды, купании и в ряде других случаев. Мальчика тянут за уши, ноги и руки, чтобы быстрее рос и был здоровым, за нос — с той же целью и чтобы был красивым. Или, например, примечательна попытка Каравелова дать реалистическое объяснение причины возникновения у болгар убеждения, что после смерти вампирами становятся преимущественно турки и цыгане. В народе знали, что те хоронят своих соплеменников без гроба, покрывая покойника лишь досками. Когда доски сгниют, земля проваливается, и безногие и безрукие мертвецы выбируются наружу. Но выбравшись, передвигаться они не могут и поэтому лежат рядом с могилами. Причем, наверху они появляются из-за того, что снизу на них давит чёрт. Л. Каравелов полагал, что никакой нечистой силы здесь нет; просто мусульмане зарывают своих покойников в землю не очень глубоко, а забредающие на кладбища свиньи легко откапывают мертвецов и объедают у них руки и ноги. Болгары же, увидев такие обезображенные трупы, думают, что перед ними — вампиры¹⁶.

Несколько странными могли показаться читателю некоторые приметы, связанные с неожиданными встречами. Если болгарин случайно встречал попа или монахиню, он был уверен, что его ждет несчастье. Русский крестьянин, случись с ним такое, попросил бы у батюшки благословение и спокойно бы продолжил свой путь. Крестьянин же болгарский был убежден, что ему нужно вернуться назад, плюнуть на свой кулак и только тогда снова отправиться в дорогу. Более привычными, на рус-

ский взгляд, выглядели приметы, относящиеся к неожиданной встрече с покойником или со старухой. В первом случае следовало отказаться от задуманного дела, иначе погибнешь, а во втором — крепко зажмуриться и пройти мимо, не то приключится беда. Схожими у русских и болгар были и приметы по поводу встреченных по дороге полных или пустых ведер для воды или встреч самих водоносов. Встретишь девушку или женщину с полными ведрами — ожидает удача, а если «водоноса» увидит, что несут покойника, она должна вылить воду на землю, чтобы облегчить участь почившего на том свете. То же самое относилось и к обычаю выливать воду на свадьбе, при строительстве нового дома или церкви. Отсюда, по словам Каравелова, возникло правило пожелания здоровья перед поднятием полной чаши ракии или вина.

Л. Каравелов намеревался опубликовать болгарские народные сказки во II томе «Памятников народного быта болгар», но иногда не мог удержаться от этого и в I-м. Так, в примечании № 24 он опубликовал запоминающуюся сказку об упрямой жене, которая считала, что женщины выше мужчин и поэтому всегда должны быть впереди. Она никогда не уступала мужу, вечно была готова стоять на своем и твердила, что черное — это белое, а белое — это черное. Так она, в конце концов, и добилась смертного наказания от мужа, не желая ему уступить (по одной из версий сказки муж бросил строптивую жену в воду, а та, уже утопая, показывала ему жестами, что трава пострижена, а не скошена)¹⁷.

Следует отметить, что Л. Каравелов не был подвержен славянофильским увлечениям. Он критиковал за них своего соотечественника Райко Жинзифова. Но, тем не менее, «Памятники народного быта болгар» Каравелов издал на средства известного славянофила И.С. Аксакова. Возможно, не без его влияния и при активном содействии И.Г. Прыжова Каравелов применил сравнительно-исторический метод исследования, сопоставляя болгарский народный календарь праздников, обрядов, легенд и поверий с народными праздниками русских, украинцев, белорусов и отчасти поляков и сербов. Тем самым Л. Каравелов вводил болгар в семью славянских народов и де-

лал болгарский народ более близким русским людям. Благодаря каравеловским «Памятникам» читатели убеждались в славянских корнях полузабытого в Европе народа и незаметно приходили к выводу о духовной общности между болгарами и русскими. В этом смысле издание Каравелова оказывало гораздо большее воздействие на умы, чем яркие статьи славянофилов, публиковавшиеся в российской общественно-политической и литературной периодике.

Особым складом, настроем и поэтикой отличались написанные в Москве художественные произведения Л. Каравелова. Они были призваны пробудить в русских людях чувство близости к болгарскому народу и вызвать в них сочувствие к его трагической исторической судьбе. Иногда Каравелов сознательно поступался в своем творчестве художественной стороной ради достижения большего резонанса в русском обществе. Прекрасной иллюстрацией здесь может служить изданный в 1862 г. в Москве сборник «Страницы из Книги страданий болгарского племени». О том, кому предназначались помещенные в нем сочинения, лучше всего говорит его посвящение: «Эти слабые очерки быта несчастной моей Родины писаны мной на Руси, и теперь я братски посвящаю их тем русским людям, сердцу которых близко великое дело славянской свободы»¹⁸.

Почти все входящие в это издание произведения также насыщены элементами болгарской этнографии. Так, в зарисовке «Турецкий паша. Записки одной монахини» перед читателем с первой страницы появляется фигура типичного болгарского пастуха. Он облачен в кожаную куртку со складками сзади, на голове у него — черная меховая шапка, ноги прикрыты светлыми узкими брюками с красным поясом, к которому на цепочках прикреплены нож, огниво, кисет-«*кисия*» с табаком. За поясом у него пистолет, на левом боку — переброшенная через плечо сумка-«*чанта*» с парой ложек в футляре; обут он в кожаные лапти и белые онучи с тонкими ремешками до самых колен¹⁹. Фактически здесь Каравелов описал типичный костюм болгарского пастуха-*шопа*. Представители этой болгарской этнической группы и поныне обитают в Софийской округе. Описание несколько длинноватое, но зато исчерпывающее, оно позволяет

русскому читателю получить ясное представление о костюмах болгарских пастухов того времени.

Скупыми штрихами обрисован в повести и болгарский монастырь Введения (Пресвятой Богородицы во храм. — *И. К.*). Каравелов представляет его как небольшую низенькую церковь с желтой черепичной крышей, увенчанной железным крестом. По его словам, она выглядит очень бедно и даже убого в сравнении с роскошными мусульманскими мечетями в Карлове. Такое убожество писатель связывает с запретом турок христианам строить для себя красивые дома, не говоря уже о строительстве православных церквей и монастырей.

Другой картинкой из болгарской жизни в этом же произведении является приводимый Каравеловым вид Балканских гор близ г. Калофер. Они были самые разнообразные: мрачные и бесплодные, отливающие всевозможными цветами и украшенные буйной растительностью. Крутой Калоферский хребет прорезали дикие пропасти и утесы. Ущелье было изрыто бурными потоками. Путник заметил там огромное, тысячеголовое стадо овец, передвижение которого сопровождалось позвякиванием колокольчиков и звуками выщипываемой скотиной травы. Услышав топот коня, к всаднику сразу же с громким лаем устремились собаки, еще мгновение назад спокойно лежавшие на траве, мирно посапывавшие и чуть ворчавшие²⁰.

История, которую поведал читателю путник, помещалась на страницах тетрадки, подаренной ему игуменьей. Она оказалась женщиной очень образованной и много в своей жизни испытавшей. По ее словам, ей часто приходили на ум мучительные вопросы: а стоит ли болгаркам рожать детей, если над ними, когда они вырастут, будет вечно нависать угроза смерти от удара турецкого ятагана, на виселице или от огня устроенного турками пожара? Имеет ли смысл детям оказаться в этой жизни, в которой турки и греки блаженствуют, а болгары должны таиться и прятать свои сундуки, потому что в любой момент к тебе в дом может заявиться свирепый, алчный турок и начнется настоящий ад? Турок может распороть всем животы во имя Магомета, надругаться над вашей юной дочерью, а вашего мальчика-сына забрать в янычары, и тот делается

воином ислама и грозой для христиан, включая родных и близких. В этой жизни, думала героиня, греки вступили в сговор с турками, и сколько болгарских душ из-за этого отправились на небо, сколько трупов болгар было сброшено в море и сколько юных болгарских красавиц попало в гарем Семибашенного замка турецкого султана в Константинополе. Своеобразным публицистическим резюме служат последние строчки дневника игумены о том, что славяне на Балканах требуют очень немного — «они требуют от Европы, от людей просят, у Бога — просят, чтобы их оставили в покое...»²¹.

Героине, действительно, пришлось испытать многие превратности судьбы. Проходя через их горнило, она фиксировала в своей памяти особенности трагического быта болгар, например, невольничий рынок, на котором болгар продают, как скот. Перед его продажей «хозяин» придает ему «товарный» вид: девушки и женщин моют, накладывают на их лица румяна и белила, умащивают кожу ароматными маслами, а затем покрывают полотном. Если кто-то из покупателей обратил внимание на «товар», то покрывало с него срывают, и он предстает голышом перед оценивающим взглядом потенциально нового хозяина. При покупке женщин обращают внимание на их грудь и ноги, а у мужчин — на руки и ноги.

Очутившись в мусульманской среде, рабы невольно оказываются свидетелями быта турок и их празднеств. В главе VII, например, описывается турецкая свадьба. Вначале в доме жениха собираются его друзья для проводов холостяцкой жизни своего друга, а в доме невесты по тому же поводу — девицы. Подружки красят невесте ноги и волосы *хыною*, после этого плачут и поют. В пятницу мулла читает молодым молитву, заставляя жениха клясться, что он будет любить жену, а невесту — дать обещание, что она покорится мужу. Затем мулла выходит за дверь и плюет в глаза «чёрту», чтобы тот не соблазнял молодых, в особенности молодую, и не расстраивал бы их семейное счастье. Вслед за этим обрядом к волосам молодых привязывают, в зависимости от степени богатства, золотые или серебряные нити. И тогда отец передает дочь зятю и благословляет их по-своему. После этого обряда невеста и сопровождающие ее женщины — все

укутанные накидками *яшмаками* — отправляются кататься в карете по улицам. А в доме жениха, не переставая, бьют барабаны и борются удалцы. Все эти празднества длятся целых три дня.

В другом произведении рассматриваемого сборника — «Дончо. Рассказ болгарского атамана»²² — Каравелов, как бы между прочим, создает образ идеального вожака болгарских гайдуков и перечисляет жесткие запреты для них, нарушение которых карается смертью. Она постигнет всякого гайдука, кто убьет или ограбит христианина, кто возьмет у турка деньги и отпустит его живым, кто струсит во время боя и побежит, кто убьет старика, старуху, девицу, женщину или ребенка, кто обидит женщину или девицу. Но если здесь «кодекс поведения» гайдуков тесно связан с основной темой произведения, то в другом — «Неда (рассказ моей бабушки)»²³ — привязать к ней картину традиционного сельского базара в Болгарии можно лишь с трудом. Каравелов пишет, что по воскресеньям на рынке турки обычно продают яблоки, абрикосы, персики, виноград и кизил, а болгары — рис, красный перец, бобы, капусту и лук. Высокие и плечистые *шопы*²⁴ торгуют белым хлебом, кукурузой, ячменем и просом, а евреи *чафуты* — полотном, ситцем, стамбульскими и карловскими платками, лентами, пуговицами, иголками и лекарствами. Продают свои изделия и болгарки. В основном они торгуют домотканными холстами и вязаными чулками и, выручив за них деньги, покупают что-либо необходимое для дома и семьи²⁵.

Вводя в повествование одну из главных героинь рассказа, обаятельную девушку Неду, Каравелов не упустил возможность описать ее костюм. Пояс на тонком стане Неды расшит золотыми и шелковыми нитями и украшен медными бляхами *чопразами*. На голове у нее — желтый платочек, а тело облачено в черный шерстяной сарафан *сукман* с узорчатым подолом и нашитыми на него четырехугольными желтыми, синими и красными суконцами. К поясу приторочены продолговатые полоски ткани *опатки*, висящие сзади, словно два хвоста, а душегрейка *кунтуш*, по словам Каравелова, хоть и не была подбита лисьим мехом, но выглядела вполне прилично²⁶. И далее писатель продолжает обогащать представление русского читателя

о типичном облачении болгар и болгарок. Он сообщает, что голову болгарки обычно украшают свежими цветами, а зимой и осенью — цветами бумажными. На шее они носят коралловые, раковинные и стеклярусные бусы или ожерелья. Бляхи на поясах бывают золотые, серебряные или медные, а душегрейки, если девушка из богатой семьи, могут быть оторочены мехом куницы или горноста. На ногах у них надеты пестрые чулки, а ниже виднеются сафьяновые башмачки или бархатные тапочки *чехли*. Болгарские парни, по словам писателя, рослые, у них бойкие, круглые лица и пышные усы. Они носят черные барашковые шапки, шелковые или хлопчатобумажные жилеты *элеци*, рубашки с открытым воротом и черные меховые душегрейки без узоров. Стан их стянут широким красным поясом. Штаны у них из черного сукна, они широкие, а внизу под коленом — сужающиеся. В нижней части но́ги перехвачены тонкими ремешками и обуты в черные башмаки²⁷.

Не преминул Каравелов упомянуть и об особенностях болгарского праздника *Бьдна вечер* — Сочельник перед Рождеством. Он протекает следующим образом. Парни и девушки под обрядовые песни срубают грушевое дерево и ставят его в медный котел *медник*, наполненный водой. Затем начинается гадание — кем кто из парней станет и за кого девушка выйдет замуж. В котел на красных нитках с букетиками васильков опускают различные мелкие личные вещи участников действия: крестики, колечки, гривны, ожерелья. Вслед за тем под слова обрядовых песен выбранная хорошенькая, русоволосая девушка вынимает за нитки из котла вещи, одну за другой и, в соответствии с только что прозвучавшими словами очередной песни, объявляет, кто из парней станет богачом, а кто пастухом или разбойником. Девушкам же она предрекает, с кем им суждено связать свою жизнь — с баловнем или пасынком судьбы. После этого *медник* с грушей и висящими на ней вещичками уносят в дом русоволосой девушки, где он остается на ночь. На следующий вечер его снова выносят на сельскую площадь, и начинаются шумные, веселые хороводы. А дома вечером варят свиную голову и пекут пирог *тутманник*, в который запекают серебряные и одну золотую монеты. Они привязаны к тонень-

ким веточкам кизила и при разрезании пирога оказываются в различных его кусочках. По тому, кому из домочадцев какая досталась монетка при выборе им кусочка, судят о состоянии его здоровья и удаче в наступающем Новом году.

В рассказе «Неда» Л. Каравелов отразил также ту сторону быта болгар, которая была связана с присутствием в их жизни турок и совершаемыми ими насилиями. Болгары, повествует автор, живут в постоянном страхе перед угрозой налета турецких головорезов *делибашей*, и поэтому в большинстве домов оборудованы *скрывалища* — глубокие, замаскированные ямы, в которых болгары прячут наиболее ценное имущество: медную посуду, холсты, дорогую одежду, ожерелья и мониста из золотых монет *ривца*. Турки могут явиться в любой болгарский дом как незваные гости и приказать, чтобы их досыта накормили и напоили. Притом денег хозяевам-гяурам они не только не заплатят, а наоборот — могут еще и издевательски потребовать с них *дишпарасы* — плату за работу своих зубов. Поводы к расправе над болгарами у турок бывают самые незначительные. В данном рассказе незваные турецкие «гости», наевшись до отвала, разъярились из-за того, что бабушка Цвета не смогла подать им в конце трапезы шербет, для приготовления которого требуется мед, а его ни у кого из сельчан не было по причине межсезонья. За это они старушку пришибли, а ее внучку швырнули в пламя очага. На помощь бросился молодец Стойко, но турки вшестером его одолели, зверски избили и повесили на вербе. Поэтому у болгар, по словам писателя, живет легенда о дедушке Николе, который один только и может освободить болгар от насильников. Он уже присылал в Болгарию москвитов, и все они как на подбор — высокие и статные. И вместе с ними присылал он болгар в бараньих шапках, которые зовут себя казаками²⁸.

Преимущественно этнографическим является и описание Л. Каравеловым его путешествий из родной Копривштицы до Филиппополя (Пловдива) и на Шипку из Бургаса. Он опубликовал эти материалы под названием «Из записок Болгара»²⁹ как ответ на этнографический очерк Г. Лежана³⁰, в котором обнаружил множество неточностей и грубых ошибок в отношении

болгар. Этот автор, например, утверждал, что в Добрудже живут одни турки, хотя на самом деле там обитали еще и болгары, татары и черкесы. Вызвали недоумение у Каравелова и данные Лежана о том, что в Филиппопольской округе есть албанцы, за которых он принял *крьджелий* — переселенцев из малоазийской Турции. Неверными также оказались многие сведения о расстояниях от одного болгарского города до другого. Поэтому Каравелов решил сообщить русскому читателю некоторые выверенные лично им данные о Болгарии. С этой целью он рассказал о своем путешествии, которое еще мальчиком совершил из Копривштицы в Филиппополь для продолжения обучения, а также о своей поездке на Шипку уже в более зрелом возрасте.

Описание проводов в путь из Копривштицы мальчика, сопровождаемого отцом и слугой с багажом на муле, не лишено интересных этнографических деталей. На привале, который провожающие и путники устроили под большим деревом, все подкрепились не только традиционными жареными гусем и курицей — здесь фигурируют также большой пирог *млин* и деревянные болгарские фляжки для вина и воды *быклицы*. После этой бытовой сценки повествование всё больше начинает напоминать традиционный географический и этнографический очерк. Вся дорога должна была занять не менее 12 часов с остановками, поскольку расстояние до конечного пункта назначения составляло 60 верст. На протяжении пяти верст путь лежал через гору Влык («*Влык*» — Волк) — одну из величественных горных вершин Балкана. Дорога была скользкая, каменистая, тянувшаяся вдоль края пропасти. Путникам, чтобы не свалиться вниз, приходилось цепляться за каждое деревце, куст или камень. При этом еще нужно было постоянно оглядываться по сторонам из-за опасения натолкнуться на разбойников. Их шайки грабили путников, раздевая их буквально догола, отбирая и обувь, без которой в горах нельзя было обойтись³¹.

Через некоторое время близ горной вершины показались сторожа *сеймены* и их выбеленная известкой сторожка *варда*. В ней, поджав под себя скрещенные ноги, потягивая горький кофе и попыхивая длинной трубкой, сидел начальник *сейменов билюк-баши*. Он оказался человеком любезным и не только

напоил путников горячим кофе, но и откликнулся на просьбу сопроводить их до близлежащего источника, потому что где-то рядом свирепствовала разбойничья шайка Петко Кривого. Спуск вниз был очень сложным, поскольку из-за его крутизны путники непрерывно падали. Доехав до источника, турок, как и все его пятеро сейменов, оторвали от своей одежды по куску ткани и повязали ими одну из ветвей высокой вербы. Такими же разноцветными полосками ткани, красными и белыми нитками были усеяны и другие ветви вербы. Подобные деревья, пишет Каравелов, можно встретить в Болгарии повсеместно. Они являются отражением народного обычая приносить жертву русалкам — «самодивам», «самовилам», или просто «вилам», и лихорадкам «трясавицам», чтобы те не мучили путников.

Сейменами, по словам Каравелова, обычно служат *помаки* — болгары магометанской веры, живущие в Ловечском округе в Доспатских горах. Их общая численность составляет 120 000 человек, причем, часть из них, по всей видимости, приняли чужую веру сравнительно недавно, потому что носят христианские имена, но с добавлением «оглу», т.е. сын. Как и христиане, помаки зажигают свечи на могилах родственников, отмечают важнейшие для болгар праздники (например, св. Георгия и св. Николая) и соблюдают православные посты, особенно перед Пасхой. Помаки поют болгарские народные песни, в том числе о битвах с турками и их насилиях. Они сумели сохранить чистоту древнего болгарского языка больше, чем другие болгары: в нем нет турецких и греческих слов³².

Через два часа пути, продолжал свой рассказ автор, ландшафт изменился: исполинские дубы, сосны и красивые буки исчезли. Перед путниками теперь простиралась равнина, поросшая кустарниками, а также ветвистым грецким орешником, рощами яблонь, груш и других фруктовых деревьев. Тучная земля на равнине была вспахана, все поля засеяны, весь скот — крупный, а народ при всём этом — бедный. По дороге путникам встретилось село Крастово, где они решили переночевать в корчме. Как и во всех *ханах* (постоялых дворах) и караван-сараях, плата за ночлег не взимается — платят только за еду и корм для лошадей. Хозяин даже самой бедной корчмы

в Болгарии денег за ночлег с путников не берет, а по воскресеньям даже накормит их бесплатно обедом и ужином. Услышав стук копыт, навстречу прибывшим выбежали хозяин, хозяйка и пара мальчиков в рубахах и высоких бараньих шапках. Последние без слов приняли у них лошадей, чтобы расседлать их, накормить и напоить.

Отведенная путникам комната была четырехугольной и просторной. В ней находилось два больших глиняных кувшина с водой, в одном углу лежал теленок, а на полочке над камином сидело несколько кур. В центре комнаты стоял большой белый козел, задумчиво жевавший свою жвачку. Путники развернули свои ковры и, положив в изголовье чемоданчики вместо подушек, тем самым подготовили себе место для ночлега. Затем они прошли в общую гостиную, которая служила и трактиром, и кухней, и лавкой для продажи товаров. В центре располагалась *огнище* — окруженный камнями очаг, горящие в нем дрова освещали комнату. Помимо этого в гостиную проникал свет, струившийся из распахнутого окна. Другие окна были закрыты тряпками, чтобы дым от очага не гулял по помещению. Дыму надлежало выходить в пробитое в потолке отверстие, но он упорно «сопротивлялся» и образовывал целое облако фута три высотой. Кроме очага, в гостиной находились три бочонка с вином и несколько полуштофов с водкой³³, а за прилавком — шкафчики, полные риса, фасоли, бобов, лука и других овощей. По стенам были развешены различные веревки и кнуты, а вокруг очага стояли трехногие скамейки, на которых сидели несколько селян и местный священник с белой, как снег, бородой.

В корчме зачастую есть решительно нечего, и путник нередко рискует остаться голодным. Так и на этот раз вареного здесь ничего не нашлось, поэтому путники заказали себе вскладчину общую трапезу. Во время приготовления пищи рассказчик вышел погулять и осмотрел село. Оно было бедное и неряшливое, хотя сёла во Фракии по другую сторону Балкан обычно отличаются своей зажиточностью и опрятностью. Их богатство заключается в большом количестве овец и коров. Болгары здесь недоверчивы в отношениях с турками и греками, но между со-

бой очень дружелюбны и доброжелательны. Им не присущи жестокость и жадность, характерные для обитателей гор. Село Крастово, по словам рассказчика, являлось исключением, чему имелось свое объяснение. Местный священник поведал ему, что землей крестьян завладел богатей-*чорбаджия*, заставляя их работать на него почти даром. Поэтому те понемногу обленились, начали спиваться и перестали ходить в церковь. Батюшка признался, что по воскресеньям ему приходилось нанимать турецкого стражника, чтобы тот гнал православных из корчмы на церковную службу³⁴.

В очерке Каравелов описывает также болгарский народный обычай *помагало*. Он заключается в оказании коллективной помощи кому-либо из сельчан. Схожие обычаи, отмечает писатель, имеются и у восточных славян: русские называют их *вечёрки*, украинцы — *вечерниці*, а белорусы — *толоки*. Каравелов случайно стал свидетелем того, как собравшиеся вечером под огромным деревом девушки готовили приданое обручившейся подружке. Они вязали, шили, пели песни, перебрасывались шутками и смеялись. Рядом, облокотившись на плетень, стояли парни, лукаво поглядывали на девушек и старались вставить словечко. *Помагала* отличаются от многих других сходок молодежи тем, что на них только поют, но никогда не танцуют. Подобное можно увидеть у славян на территории всей Османской империи.

По дороге путникам нередко встречались колодцы *кладенцы* и фонтанчики *чучуре*, которые зажиточные болгары строят на старости лет во спасение души, подобно тому, как богатые турки с той же целью возводят на свои средства караван-сарай, бани и мечети. В караван-сараях люди останавливаются не так часто, а любой путник остановится у источника испить водицы, напоить лошадей и отдохнуть, укрывшись от палящего солнца под навесом *кёшком*. Дороги обычно имеют четыре сажени в ширину и вымощены крупными камнями. Ту дорогу, по которой передвигались наши путники, построил Хаджи Калычов. Любопытным является и другое сообщение Каравелова — о запрете ремонтировать и обновлять дороги, источники и караван-сарай в дальнейшем кому-либо иному, кроме родственников

того человека, который пожертвовал деньги на их сооружение. Если родственники бедны, или таковых после его смерти не находится, то строение приходит в полное запустение. Обычай этот старый, но, по справедливому замечанию Каравелова, не самый разумный.

Дальнейшая дорога в Филиппополь была мало интересной. После села Карамустафалар характер местности изменился. Растительность на ней была скудной: ни деревца, ни кустарников. Исчезли и птицы, кроме сорók. Филиппополь расположен посередине обширной степи, частично засеянной вдоль дороги рисом — *сарацинским пшеном*. Рисовые поля принадлежат здесь турецким беям. Для выращивания риса требуется много воды, поэтому в этом районе существует разветвленная ирригационная система каналов и обнесенных земляными валами рисовых участков. Вода для них берется из реки Марицы. Из-за запруд и каналов вокруг города образовалась масса гнилых, вонючих болот, которые, особенно утром и вечером, испускают вредные испарения. Неудивительно поэтому, что в городе свирепствуют лихорадка и холера, эпидемии которых вспыхивают каждый год. На рисовых полях, которые кишат лягушками и змеями, трудятся молодые болгарские парни и девушки, работающие по колено в воде. В Болгарии нет крепостного права, однако порой беи заставляют болгар работать бесплатно. Кроме того, сборщиками налогов в Османской империи обычно назначают греков, евреев и армян, а те нередко повышают размеры дани по своему усмотрению.

Филиппополь — один из самых богатых городов Европейской Турции, ведущий оживленную торговлю с Константинополем, Малой Азией и Веней. Он поставляет рис, хлеб, лес, грубое домотканное сукно и сафьян. Город раскинулся на трех скалистых холмах, на одном из которых расположена башня с часами. Как и большинство восточных городов, Филиппополь красив только издали: он поражает богатством красок домов, белыми мечетями и спокойствием мирно несущей свои воды Марицы. А войдешь внутрь города — и взору предстанут кривые, грязные, смердящие улицы, обилие грязи, в которой лошади утопают по колено. От неимоверной вони путникам

приходится затыкать носы, чтобы не задохнуться. В лужах плавают дохлые кошки, собаки и даже лошади. Всех жителей города, по переписи турецкого правительства, насчитывается 91 300 человек. Здесь живут армяне, евреи, греки, цыгане, цинцары (валахи), венгры и павликяне (болгарские католики). В городе имеется 13 христианских церквей: шесть греческих, пять болгарских, католическая и армянская. Мечетей в городе 31, есть и одна синагога. Церкви почти все новые, построенные за последнюю четверть века. Из турецких мечетей самой старой является Джумая, что по-турецки означает «Пятница», поскольку это переделанная в мечеть православная церковь св. Параскевы (Пятницы).

Другой достопримечательностью города является мечеть Имарет (т.е. Мария), также представляющая собой перестроенную турками церковь Успения Богородицы. Стенописи в обоих христианских храмах были закрашены зеленой краской. Единственные сохранившиеся в Имарет-мечети православные реликвии — муляж свиного окорока, железный крест и старинная надвратная икона. По этому поводу среди болгар и турок существует легенда, о которой Каравелов поведал читателям. В соответствии с ней, в те времена, когда турки пытались покорить болгарские земли, они не сумели с первого раза захватить Филиппополь. Посланный с этой целью турецкий визирь возвратился к султану Мураду, не солоно хлебавши. Тогда тот решил сам овладеть городом и отправился туда, прихватив с собой дочь болгарского царя Ивана Шишмана, некогда отданную ему в жены. Мурад потребовал от жителей открыть ему ворота, угрожая в противном случае казнить царевну на виду у всех прямо перед стенами города. Городские бояры (*боляре*) хотели пойти на попятную, но находившиеся в городе сербы не позволили открыть ворота. И тогда разозленные турки исполнили свою угрозу. Потрясенные боляре тайно ночью отперли ворота, впустили турок и указали Мураду лагерь сербов, расположенный рядом с горой, которая теперь называется Бунарджик, а раньше — *Гроб краля Марко*³⁵. Султан приказал обезглавить сербских воевод, а болярам и священникам пожаловал различные льготы. После этого Мурад пожелал войти в церковь

Успения Пресвятой Богородицы и вдруг увидел, что из царских врат на него грозно смотрит его убиенная жена Мария — живая и невредимая. Испугавшись, Мурад бросился из храма прочь, но Мария догнала его и предрекла ему гибель от руки сыновей тех сербских воевод, которых он приказал обезглавить. Султан приказал превратить церковь в мечеть, но всё равно, когда приходил туда на молитву, перед ним всегда возникала его казненная жена. Тогда он повелел перегородить внутри мечеть, но на ее вратах невидимая рука водрузила свиной окорок, железный крест и старую икону. А пророчество Марии сбылось: султан Мурад погиб на Косовом поле в 1389 г. от руки серба Милоша Обилича³⁶.

Каравелов писал, что греческих архиепископов и епископов изгнали из многих болгарских городов, в том числе и из Филиппополя. Греческие духовники составляют черное духовенство, которое просто роскошествует. А почти всё белое духовенство города состоит из болгар. Городские церкви небогаты, но имеют всё необходимое, и священники живут неплохо. В первый день каждого месяца они кропят святой водой дома прихожан, получая за это мзду. Кроме того, в церквях стоят церковные кружки для сбора пожертвований. Раньше все церковные книги в Болгарии были киевской или московской печати, но турецкое правительство установило цензуру, и книги для церкви стали печатать либо в Константинополе, либо в Белграде.

Общественные здания в Филиппополе, если не считать дворца паши, резиденции митрополита и гимназии, отсутствуют. Находящийся на берегу реки дворец паши имеет большой двор, где находятся тюрьма, присутственные места и *тумрук-хана* — пыточная. Паши и городничие *аяны* окружены красивыми мальчиками из армян, азиатских греков и евреев. Их берут в услужение к султану: подавать трубку, кисет или поддерживать его с двух сторон, когда он верхом на коне. Из этих мальчиков потом вырастают паши, судьи *кадии*, обер-полицмейстеры *тюфекчи-баши* и прочая знать. Турки крайне ленивы, расточительны и предаются грязным, скотским порокам. Самые бедные из них кажутся еще более откровенно порочными и

расточительными. Целыми днями они сидят в кофейнях, курят кальян, пьют кофе, наслаждаются музыкой и танцами мальчиков *кёчеков*. Они не обрабатывают земли, считая это занятие унижительным для правоверного турка, не занимаются и какими-либо ремеслами, полагая, что они предназначены для гяуров. Поэтому среди турок так много праздношатающихся *чаккынов* — бедняков, которые добывают средства для пропитания при помощи грабежей и разбоев. Исходя из этого, Каравелов в очерке выражает мнение, что у турецких реформ нет реальной опоры, обосновывая свой вывод меткой народной поговоркой: «*На камне розы не растут*»³⁷.

Писатель сообщает далее, что, протекая вдоль Филиппополя, река Марица разделяется на два рукава, образуя живописный остров с шелковичными деревьями. Сам город раскинулся на левом берегу реки. Район, который населяют болгары и турки, называют *Карши-ека*. По обе стороны единственной прямой городской улицы *Чаршия* расположены лавки евреев, павликян и отчасти турок. Последние продают главным образом изделия из кожи. Евреев легко отличить по длиннополым цветным халатам, хлопковым или шерстяным. Поверх них они носят суконный кафтан *джубе*, на ногах у них — желтые или черные туфли, а на голове — повязанная платком феска. Большинство из них являются банкирами (так Каравелов, видимо, называет ростовщиков. — *И. К.*) или гуртовыми торговцами. Обычно они очень честны, любят людей, невзирая на пол, род или веру, и готовы прийти тебе на помощь. Говорят они на ломаном испанском языке, в то время как в России евреи используют ломаный немецкий. Среди них в Турции не встретишь нищего, вора или мошенника, и это говорит в их пользу по сравнению с греками, валахами и армянами. Еврейки, подобно турчанкам, носят шаровары и паранджу *фередже* с тем лишь отличием, что последняя темно-зеленого цвета, и лица они не закрывают³⁸.

Что же касается греков, то они одеты в широкие, достигающие до колен шаровары, а ниже на ноги надеты длинные чулки с подвязками. Верхняя часть тела прикрыта душегрейкой малинового цвета на куньем меху, голову украшает феска, стан подпоясан поясом апельсинового цвета. А гречанки носят

европейские костюмы и вместо турецкой чалмы прикрывают макушку маленьким платочком и причесывают волосы на две стороны. Такая прическа называется у них *дуалет* (от слова «туалет»).

В отличие от греческих облачений, одежда болгар Филиппополя и окрúги выглядит наполовину турецкой — такие же длинные, широкие шаровары, черный кунтуш с белым поясом и шапка из бараньего меха. Некоторые носят феску или чалму, но обычно они черного цвета — турки запрещают гяурам иметь головные уборы зеленого, белого или ярко-красного цвета. У женщин одежда гораздо разнообразнее: свой тип одежды имеет каждая деревня, город или даже его *махала*, т.е. квартал. В Филиппополе и его предместьях — Мараша, Карши-ека и Ново село — обычно носят сарафан из шерсти *сукман*, полы которого обшивают четырехугольниками желтого, красного и голубого сукна. Кунтуш, как правило, красный, синий или белый, а пояс — желтый или золотой с большими серебряными бляхами. Головной платок — желтый, белый или голубой; волосы распущены по плечам, грудь прикрыта тоненькой сорочкой, на шее — ожерелья.

Достоинство человека здесь измеряется степенью роскоши его одежды. Если чужеземец в воскресенье заглянет на обедню в церковь, то поразится обилию богато наряженных господ *кокон*. Они буквально усыпаны украшениями, хотя дома у них нет ни гроша. Городская знать, которая насчитывает не более 500 человек, состоит из метисов-греков и валахов. Они говорят на смешанном греко-болгарско-турецком языке.

Дома в Филиппополе, особенно богатые, похожи на крепости, они окружены высокими каменными стенами и почти все двухэтажные. Верхний этаж имеет окна на улицу, а в нижнем — только одна комната, в которой есть *чекма*, выступающее наружу оконце с обзором улицы на три стороны. В остальных помещениях окон нет за ненадобностью: они служат кладовыми и чуланами. Полы в доме, как правило, не красятся, а стены украшены различными рисунками масляными красками. Стены и потолок принято красить одним цветом — желтым, голубым или малиновым. В изображениях преобладают птицы,

цветы и разнообразные ландшафты. Для строительства домов обычно нанимают каменщиков из Брацигово, а плотников из Буково и Мирково — сел, расположенных в Софийской округе. При возведении дома плотники в центре крыши ставят крест. По завершении строительства его облачают в сорочку, которую дает хозяин или хозяйка, обвязывают подаренными родственниками платками и полотенцами и украшают принесенными девушками цветами. Все подаренные вещи достаются главному плотнику, распределяющему их среди своих подручных, в соответствии с их местом в артели. При переходе в новый дом в старом замешивают тесто, утром его переносят в новый дом и пекут там хлеб *кравай*, который обмазывают медом. Мастер делит его на кусочки и раздает всем, кто попадет на глаза. Затем оставшимся медом мажут двери, полы, потолки, а кое-где и пороги покоев³⁹.

Рассказал Каравелов русскому читателю и о весенних хороводах. Они начинаются со дня св. Петки. На площадь стекаются парни и девушки и водят хороводы под песни и монотонные звуки волынки *гайды* или скрипки. Впереди идут парни, за ними — обрученные девушки, следом молодые женщины, девицы и дети. Они берут друг друга за пояс, составляя полукруг, посередине которого перемещается музыкант с гайдой. Во время пения образуются две партии — пять-шесть девиц с наиболее звонкими голосами вокруг музыканта и остальной хоровод. Поэтому часто один и тот же стих повторяется дважды. После завершения песни скрипка продолжает играть, и хоровод движется молча. Внезапно он распадается, девушки бросаются в разные стороны, за ними гонятся вздыхающие по ним парни. Начинается беготня, раздается смех, звучат шутки.

Большинство болгар живут несколькими семьями в одном доме, составляя общину, во главе которой стоит *дядо* (дед). Вместе с внуками и правнуками она может насчитывать до 50—80 человек. Дед блюдет мораль и поддерживает порядок, назначает работу каждому члену семьи, платит подати, заведует кассой, проводит совещательные советы со старшими представителями рода и принимает решения большинством голосов. У женщин подобную функцию в хозяйстве исполняет *баба* (ба-

бушка), в руках которой находятся все ключи от хозяйства. При разделе имущества между членами рода в общине соблюдаются определенные обычаи. Главным богатством в доме считается медная посуда, которой в каждом доме наберется от одного до 20 пудов. Её получает старший по дому, а дом остается самому младшему брату. Если мать жива, меньшей брат берет посуду и обязан кормить ее до смерти. В его обязанности также входят выдача сестер замуж и обеспечение им *прикя* — приданого. Раздел имущества обычно происходит тихо и мирно. Судья вмешивается в эти дела очень редко. Если приходится прибегать к его помощи, то он делит всё имущество между братьями поровну, а сестрам достается седьмая его часть. Пашни и луга делятся между братьями, а сестры права на земельную собственность не имеют⁴⁰.

Рассказ Каравелова о посещении им Шипки и жизни болгар в этой части страны значительно короче. В это большое село (в нем тогда жило около 1500 чел.) писатель добрался из Константинополя пароходом в июле 1857 г., через Ахело—Бургас, а затем на перекладных. Согласно его описанию, село Шипка лежит у подножия Балкан. Свое название оно получило от слова «*шипка*» (шипец-розан), так как со всех сторон было окружено виноградниками и великолепными розовыми садами. Позднее Каравелов поднялся на гору и смог убедиться в том, что село, действительно, оправдывает свое название: сверху оно выглядело как прекрасный распутившийся цветок дикой розы. В мае из лепестков обильно растущих здесь роз делают знаменитое розовое масло. Его отсылают в Константинополь, а оттуда оно расходится по всей Европе. Лепестки роз болгарские девушки с песнями собирают до восхода солнца, пока оно не высушило капли росы. В этом случае розовое масло приобретает особый аромат, который невозможно получить, если срывать лепестки после того, как солнце взошло⁴¹.

Посетил Каравелов и местную школу, в которой тогда было 120 учеников. А осенью, когда родители освобождают своих детей от летних работ, как поведал местный учитель, их число возрастает до 200. Старшие ученики учат младших, тем самым высвобождая время для педагогов. В школе препода-

ют церковную, болгарскую и всеобщую историю, географию, арифметику, славянскую грамматику, турецкий и греческий языки. В болгарских селах школы, как пишет Каравелов, существуют с незапамятных времен. На Шипке он впервые услышал легенды о Потемкине и Беклеше, которые у болгар связывались с неизбежным их освобождением от ига турок с помощью России⁴². Интересными можно считать и наблюдения писателя о разнице между болгарскими и русскими церквями. У болгарских нет куполов, колонн и колокольни. Они представляют собой длинное здание с покрытой черепицей крышей и крестом посередине. Потолки в них деревянные, а полы — кирпичные. Многие молодые священники неграмотны — их за деньги рукополагают греки. Болгары миролюбивы, робки, суеверны и простодушны и вечно заняты заботой о хлебе насущном. Они услужливы и честны. Здешние женщины расторопные, сметливые, бойкие и живые. Они ведут дела мужей и расчеты с покупателями, подают мужьям советы, угощают гостей.

Описал в очерке Каравелов и особенности свиданий болгарских парней с девушками в селах. Обычно они происходят у источника *кладенца*, где девушка высматривает себе суженого. Во время свиданий используется особый язык жестов и действий, имеющих скрытый внутренний смысл. Если парень попросил у девушки напиться воды из кувшина *стомны* и она ему не отказала, это знак, что она относится к нему благосклонно и согласна выйти за него замуж. Если парень протянул девушке свой букетик цветов и она в ответ дала ему свой, это значит, что она не против прихода сватов. Ну, а если девушка не откликнулась на просьбу парня испить водицы и молча удалилась, то это означает, что у них ничего не получится.

Русских читателей, наверняка, поражал сообщенный Каравеловым факт о принадлежности в Турции лесов и гор близлежащим селам. Болгарские селяне, по его словам, могут рубить лес, сколько душа пожелает. Село может также сдавать в аренду лес или продать его часть. Помимо земледелия, в Добрудже болгары занимаются овцеводством и коневодством. У каждого болгарского крестьянина есть несколько коров, буйволов, овец, коз и кобыл. Если стадо насчитывает более 50 голов, его обычно

пасет общественный пастух. Часто пастухи объединяют стада, образуя пастушеские дружины под предводительством общего вожака *кехая*. Этот вожак делает запасы сена и отрубей, платит туркам десятину *беглик*, продает сыр, масло и шерсть. Сводное стадо дружины может достигать 3000 голов. В нем есть овцы *дойницы*, т.е. дающие молоко, яловицы *шиле-та* и ягнята. Каждый пастух прекрасно играет на свирели. Своих жен пастухи в горы не берут. Вожаков для стада овец готовят загодя, выбирая для этого самых красивых ягнят. Им особым образом связывают рожки, чтобы те росли вверх и принимали необычную форму. Шерсть у них в некоторых местах не стригут. У других овец выстригают шерсть посередине, на спине и животе, а у будущих вожаков выстригают только голову и живот, в других же местах шерсть у них спадает прядями до самой земли.

Часть скота селян иногда пасут на арендуемых у соседей пастбищах, а часть отправляют на зимний выпас *зимовиште*. Оттуда пастухи возвращаются в марте и строят на отрогах Балкан *мандры* — мастерские по изготовлению сыра и брынзы, а затем разъезжают по селам и меняют свою продукцию на то, что им нужно. В сыроварнях существует своя специализация: *маслар* занимается сбиванием масла, а *сиренар* делает брынзу и сыр. Они готовятся из овечьего и козьего молока и в большом количестве, наряду с мясом ягнят и овец, отсылаются в Константинополь. Мандра обычно состоит из трех отделений, отгороженных друг от друга плетнем и покрытых тесом. Под первым навесом на скамье из дёрна плотно сидят пастухи со сдвинутыми ногами: раздвинув их, они хватают гонимую сзади загонщиками овцу и начинают ее доить. Во втором помещении находится масларня, где стоит огромный чан, в котором маслар сбивает масло. Молоко течет в чан по наклонному желобу из первого помещения, а оставшееся — по другому желобу перетекает в огромную кадь для изготовления брынзы. Остатки молока здесь вначале кипятят, доводят до кондиции, а затем солят на овечьих шкурах. Масло сбивают в период с 20 мая по 1 июля, а с 1 июля до осени изготавливают только брынзу и творог⁴³.

Чтобы воспрепятствовать злему колдовству, в каждое ведро для молока кладут пучок чемерицы. Считается, что эта трава не

дает колдуньям переманить молоко от одних овец к другим. Болгары верят, что колдуньи обладают способностью при помощи магии ночью похищать луну с неба и доить её до тех пор, пока вместо молока не потечет кровь. Они отпускают луну только после того, как та передаст им право распоряжаться плодородием.

1 июля пастухи в Болгарии празднуют Скотьин день, принося жертвы, чтобы короста и болезни обходили их стада стороной. Пастушеством в стране обычно занимаются валахи, по большей части рослые мужчины, до шести футов высотой. Все они, как и пастухи-болгары, прекрасно играют на свирели. В очерке Каравелов приводит сведения и о валашках. В отличие от валашских мужчин, они небольшого роста. Верхняя одежда у них, как и у шопок, изготовлена из грубого белого домотканного сукна. Они носят рубашки с рукавами, расшитыми разноцветными шелковыми или шерстяными нитями, белый *сукман*, подол которого также вышит цветными нитями, красный пояс и фартук в красную или синюю клетку. Валашские девушки носят на голове фески, а женщины — чалму.

Анализируя созданные Л. Каравеловым в Москве рассказы и повести, сразу же замечаешь их перегруженность этнографическим материалом. Правда, здесь сразу же следует подчеркнуть неравномерность его распределения по отдельным произведениям. Так, в написанной под сильным влиянием Н.В. Гоголя⁴⁴ повести «Болгары старого времени» этнографический элемент присутствует, но он достаточно умерен и уступает первенство элементу художественному. В рассказах о дневнике игуменьи и атамане болгарских гайдуков Дончо доля этнографического материала значительно возрастает, что сразу же обращает на себя внимание. А в очерке «Из записок Болгара» художественный элемент едва просматривается и служит лишь связующей нитью для очередных этнографических зарисовок. При оценке произведений Л. Каравелова, которые он написал в Москве и опубликовал на русском языке, важны заметки о них, печатавшиеся в «Книжных обозрениях»⁴⁵. Общий их тон в целом положительный, а отклик в журнале «Всемирный труд» можно назвать похвальным. Анонимный рецензент высоко оценил первое издание каравеловского сборника «Страницы из кни-

ги страданий болгарского племени». Он особо отмечал, что в основу помещенных в нем произведений положены «личные наблюдения и этнографические заметки автора», который «рисует живыми красками нынешнее безотрадное положение [болгар], оправдывающее современные попытки их к восстанию»⁴⁶. Положительной была и рецензия в «Отечественных записках» на переиздание данного сборника в Москве в разгар русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

С такими отзывами резко контрастирует характеристика Л. Каравелова как беллетриста, данная ему российским ученым второй половины XX в. Л. В. Воробьевым. Суть его претензий, высказанных при рассмотрении каравеловского произведения «Неда (рассказ моей бабушки)», сводится к следующему: чрезмерное обилие эпизодов и этнографических описаний, не связанных с главной линией сюжета. По мнению ученого, такие дополнения «нарушают композиционное равновесие», и всё это происходит на фоне вторжения в художественное произведение «диалектизмов, архаических выражений, непонятных читателю»⁴⁷. Такая оценка, на наш взгляд, сложилась у Л. В. Воробьева в результате неполного осознания им идеологических установок Каравелова. Они отчетливо прозвучали в его публикации «По поводу славянского отдела в газете «"День"»⁴⁸, явившейся откликом на статью Н. Г. Чернышевского «Народная бестолковость». Каравелов призывал к созданию специального журнала, призванного знакомить русских читателей с литературой, историей и бытом «славянских племен»⁴⁹. Такой журнал в России при жизни Каравелова, к сожалению, не появился, и писатель всеми силами своего таланта пытался заполнить лакуны, существовавшие тогда в российской периодике и литературе в отношении Болгарии. Это в значительной мере объясняет многогранность деятельности Каравелова — как писателя, критика, этнографа, публициста, журналиста и политика.

И, действительно, в болгарской художественной литературе того времени Каравелов стал крупнейшей фигурой, а его повесть «Болгары старого времени» вошла в «золотой» национальный литературный фонд, превратившись в хрестоматийную. Он издает в Москве «Библиографию современной болгарской литера-

туры»⁵⁰, знакомит русского читателя с развитием национальной журналистики, напечатав очерк «Болгарская журналистика»⁵¹, публикует I том «Памятников народного быта болгар», т.е. приобретает функции автора-универсала, делается своеобразным рупором, доносящим до русского общества самые различные сведения о болгарском народе. Не случайно И.Г. Прыжов в своей рецензии на «Обзор истории славянских литератур» А.Н. Пыпина и В.Д. Спасовича (СПб., 1865) выразил удивление, что эти исследователи «пропустили» в своем труде такую заметную фигуру, как Любен Каравелов. Ведь в то время он, по словам Прыжова, был единственным человеком, который знакомил русских с болгарским народом. Рецензия эта при жизни русского ученого, правда, опубликована не была и осталась в его архиве.

Понятно желание Каравелова рассказать русскому читателю обо всём том болгарском, чего они не знали: об этнографии, истории, литературе, журналистике, языке, столь близком к языку русскому. Но для всего этого у Каравелова недоставало ни времени, ни финансовых возможностей. Фиаско с осуществлением его первоначального грандиозного проекта по изданию 12-томного собрания «Памятников народного быта болгар», а затем хотя бы трехтомного, заставляли его помещать в свои художественные произведения этнографический материал с определенной целью. Каравелов стремился показать русскому читателю, что болгары не татары, а славяне⁵², что их древние обычаи и предания такие же, как и у прочих славян, и ближе всего они к обычаям и преданиям русским, что костюмы болгар похожи на малороссийские. Давал Каравелов русскому читателю и возможность осознать, что, при известном усилии с его стороны, болгарский язык нетрудно понять, потому что более близких языков в мире нет. И, конечно же, писатель настойчиво доводил до сознания русских людей факт трагедии родственного им народа, страдающего от безжалостных иноземных угнетателей⁵³ и видящего своего освободителя в единственно поднявшейся на его защиту России. Именно благодаря такой полифоничности Каравелов, как никто другой из его соплеменников, наполнял тогда сердца русских людей чувствами симпатии и сострадания к поработанному болгарскому народу.

Примечания

- ¹ См.: *Лихачева Л. П.* Л. Каравелов. Биобиблиографический указатель. М., 1954.
- ² О многогранной и плодотворной деятельности Л. Каравелова свидетельствует 12-томное издание его разнообразных сочинений, созданных им в 50–70-е годы XIX в.; сам он прожил очень недолгую жизнь, умерев в неполные 45 лет, сразу же после освобождения Болгарии от османского ига.
- ³ В одном из своих писем И. С. Аксакову он сообщал о замысле подготовить 12-томное издание памятников болгарского фольклора, но затем решил «поумерить» свой творческий замах // См.: Публицистика на Л. Каравелов. София, 1958. С. 582–584.
- ⁴ Эти материалы хранятся в Национальной библиотеке им. свв. Кирилла и Мефодия в Софии (далее — НБКМ). БИА. Ф. 2. См.: *Минкова Л. Л.* Каравелов и Иван Гаврилович Прижов (сътрудничество им в областта на фолклористиката) // Известия на Института за литература. Кн. 14–15. София, 1963. С. 57–80.
- ⁵ См.: *Геров Н.* Речник на българский язык с тълкувание речити на българский и на руски. Ч. I–V. Пловдив, 1895–1904.
- ⁶ См.: Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 1227. Оп. 1. Д. 2, 8. См. также: *Леков Д.* Интересът на Любен Каравелов към фолклора и етнографията на славянските народи // Славянска филология. Т. V. София, 1963. С. 69–87.
- ⁷ *Мазуркевич А. Р.* И. Г. Прыжов. Из истории русско-украинских литературных связей. Киев, 1958; *Прыжов И. Г.* Очерки. Статьи. Письма. М.-Л., 1934.
- ⁸ Полиция следила за деятельностью Каравелова с 1859 по 1865 гг. См.: *Воробьев Л. В.* Философские и социологические воззрения Любена Каравелова. М., 1962. С. 38.
- ⁹ *Леков Д.* Указ. соч. С. 81.
- ¹⁰ Вины Каравелова во втором случае, разумеется, не было. Но здесь необходимо отметить, что в современном болгарском языке многие приведенные им слова звучат иначе: менджа — манджа, касмет — кысмет, парклес — параклис (кстати говоря, это греческое слово имеет в болгарском языке и другое значение — часовня. — И. К.).
- ¹¹ *Липранди И. П.* Восточный вопрос и Болгария // Чтения в Обществе истории и древностей российских. № 1. М., 1868. С. 1–139.
- ¹² Каравелов опубликовал рецензию в издаваемой им в то время газете «Свобода» — № 2 от 12. X. 1869.
- ¹³ См.: Болгарские песни, собранные Л. Каравеловым, изданные под наблюдением В. А. Лаврова. М., 1905.
- ¹⁴ Здесь Л. Каравелов подразумевает материальную помощь Московского славянского благотворительного комитета, благодаря которой был издан I том «Памятников народного быта болгар»; Каравелов получил от И. С. Аксакова и авторский гонорар в размере 170 руб.; сведения об этом были помещены в отчете Комитета, опубликованном в газете «День» в январе 1862 г. (№ 17).
- ¹⁵ См.: Болгарские песни, собранные Л. Каравеловым, изданные под наблюдением В. А. Лаврова... С. 3.
- ¹⁶ *Каравелов Л.* Памятники народного быта болгар. Т. I. М., 1861. С. 160.
- ¹⁷ Там же. С. 165.
- ¹⁸ Страницы из Книги страданий болгарского племени. Повести и рассказы Л. Каравелова. (Изд. II). М., 1878. С. 3.

¹⁹ Там же. С. 1–2.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 30.

²² Впервые этот рассказ был опубликован в № 150 газеты «Наше время» в 1860 г. под названием «Атаман»; второй вариант — в «Санкт-Петербургских ведомостях»: № 118 и 120 от 28 и 31 мая 1864 г.; на болгарском языке Каравелов его напечатал в газете «Свобода»: № 48–52 за 4 января — март и за 4 ноября — 10 декабря 1870 г.

²³ Рассказ был опубликован в «Русском вестнике». М., 1861. Т. XXXIII. № 6; вариант его на болгарском языке появился в каравеловской газете «Свобода»: № 5–12 за 29 июля — 16 сентября 1872 г.; в том же году он вышел отдельным изданием в Бухаресте.

²⁴ Здесь Каравелов уточняет ареал обитания шопов как особой этнической разновидности болгар: Софийская, Пиротская, Берковицкая и Кюстендилская округа.

²⁵ *Каравелов Л.* Неда (рассказ моей бабушки) // Страницы из Книги страданий болгарского племени. М., 1878. С. 205–207.

²⁶ Там же. С. 208.

²⁷ Там же. С. 224.

²⁸ Там же. С. 211, 214.

²⁹ *Каравелов Л.* Из записок Болгара // Русский вестник. М., 1867. Т. 68. № 3–4. Март. Ч. I–IV. С. 370–399; Апрель. Ч.V–VIII. С. 661–689.

³⁰ См.: *Лержан.* Этнография Европейской Турции // Этнографический сборник, издаваемый Императорским Географическим обществом. Вып. 6. СПб., 1853–1856. Раздел «Болгары». С. 32–35.

³¹ *Каравелов Л.* Из записок Болгара... С. 372.

³² Там же. С. 376.

³³ Здесь Каравелов русифицировал название крепкого болгарского алкогольного напитка «ракии» (обычно виноградной или сливовой), назвав его более понятным русскому читателю словом «водка». (На самом деле, водка тогда в Болгарии не была известна. — *И. К.*)

³⁴ Там же. С. 379.

³⁵ Королевич Марко — прославленный герой южнославянского эпоса, борец с турками и защитник народных интересов, вершащий праведный суд над обидчиками народа.

³⁶ *Каравелов Л.* Из записок Болгара... С. 385.

³⁷ Там же. С. 387.

³⁸ Там же. С. 388.

³⁹ Там же. С. 390.

⁴⁰ Там же. С. 399.

⁴¹ Там же. Апрель. Ч. V–VIII. С. 663.

⁴² Там же. См. также: *Макарова И.Ф.* Россия в представлениях и отношении к ней болгар (начало XVIII в. — 1875 г.) // Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. — 1878 г.). М., 1995. С. 146; *Калиганов И.И.* Проблемы истории и культуры славянских народов. М., 2015. С. 305. Согласно легенде, Беклеша вместе с Суворовым и Потемкиным послала для освобождения болгар императрица Екатерина II. Причем, Беклеш был болгарского происхождения.

⁴³ Там же. С. 675.

⁴⁴ См.: *Велчев В.* Любен Каравелов и Гоголь // Ученые записки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Труды кафедры русской литературы. Кн. 3. М., 1948. С. 91–126; *Леков Д.* Любен Каравелов. Творецът, гражданинът, съвременникът. Пловдив, 1998.

⁴⁵ См., например, «Вестник Европы». СПб., 1868. Кн. 2.

⁴⁶ Всемирный труд. СПб., 1868. Август. С. 372–373.

⁴⁷ *Воробьев Л.В.* Любен Каравелов. Мирозрение и творчество. М., 1963. С. 109, 89. [С подобным мнением ученого решительно не совпадает суждение о «Страницах...» Л. Каравелова, прозвучавшее в отзыве на нее во «Всемирном труде». Рецензент не только молчаливо одобрил «этнографические заметки автора» книги, но и сожалел, что тот не предварил её кратким очерком истории Болгарии (С. 373). Это ясно показывает, в какого рода знаниях о болгарях нуждался тогда русский читатель. — *И. К.*]

⁴⁸ Она была опубликована в первом и единственном номере газеты «Русская речь» 4 января 1862 г.

⁴⁹ Это тем более странно, потому что ученый был прекрасно об этом осведомлен. См.: *Воробьев Л.В.* Философские и социологические воззрения Любена Каравелова. С. 43–44.

⁵⁰ Она была напечатана в «Библиографических записках». М., 1861. № 7.

⁵¹ Очерк был опубликован в «Московских ведомостях» 13 и 14 июля 1862 г. № 153–154.

⁵² Об этом ранее писал в своей нашумевшей среди болгар книге Ю.И. Венелин: «Древние и нынешние болгары в политическом, народописном и религиозном их отношении к россиянам». Ч. I. М., 1829.

⁵³ В произведениях Л. Каравелова встречаются описания турецких насилий и зверств по отношению к болгарам (сдирание кожи с живых людей, разрезание их на куски, скармливание тел замученных жертв голодным собакам и т.д.), но гораздо реже, чем в рассказах и повестях современных ему болгарских писателей В. Друмева и И. Блыскова.